

находят в развитии собственного потенциала каждым народом, культурно-историческим типом, нацией. Таким образом, можно противопоставить идею всечеловечества идеям социалистическим сразу в двух смыслах. В идейном смысле всечеловечность предлагает свой способ достижения единения между населением Земли. В то же время сам факт наличия этой идеи показывает и доказывает возможность России как отдельного культурно-исторического типа или отдельной нации делать свой вклад в «общую сокровищницу» человечества, а не только пользоваться достижениями западной мысли.

Библиография

1. Данилевский Н. Россия и Европа. М.: 2008. – 816 с.
2. Достоевский Ф. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т., Л.:1976.
3. Достоевский Ф. Дневник писателя // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т., Л.:1984.
4. Смирнов А. Всечеловеческое vs общечеловеческое. М.: 2019. – 216 с.
5. Струве П. С. П. Шевырев и западные внушения и источники теорииафоризма о «гнилом», или «гниющем» Западе. Изыскания, сопоставления и материалы. // Русский научный институт в Белграде. Вып. 16-17. – Белград: 1941. – 293 с.
6. Цветкова Н. «Всечеловеческое» и «всечеловек»: от С. П. Шевырева к Ф. М. Достоевскому. // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. М.: 2018. – № 2. – С. 127-150.
7. Шевырев С. Взгляд русского на современное образование Европы // Шевырев С. П. Избранные труды. М.: 2010. – 680 с.
8. Ширинянц А. Степан Петрович Шевырев // Шевырев С. П. Избранные труды. М.: 2010. – С. 5-67.

Гуторов Владимир Александрович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург, Россия

ЕВРАЗИЙСТВО И ПОЛИТИКА: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

Аннотация

Евразийство как исторический и политический феномен уже многие десятилетия является объектом весьма острой и многообразной теоретической дискуссии. В чисто методологическом плане споры, как правило, сосредотачиваются на специфических особенностях определений самих понятий «евразийство» и «геополитика» с последующими историческими и теоретическими интерпретациями последних.

Ключевые слова: Евразийство, геополитика, политическая теория, идеология, политические конфликты.

Евразийство как исторический и политический феномен уже многие десятилетия является объектом весьма острой и многообразной теоретической дискуссии. В последние годы весьма примечательной тенденцией становится постоянное

присутствие евразийской проблематики в исследованиях, посвященных различным аспектам интерпретации геополитики¹. В чисто методологическом плане споры, как правило, сосредотачиваются на специфических особенностях определений самих понятий «евразийство» и «геополитика» с последующими историческими и теоретическими интерпретациями последних. Понятие «евразийство» в самом широком смысле слова относится к корпусу многообразных исторических, культурологических и философско-политических текстов, созданных весьма разнообразными группами интеллектуалов при самых разных условиях и в самые разные периоды, начиная с 1920-х годов и вплоть до наших дней. Основные идеи евразийства были первоначально сформулированы в 1920-х и 1930-х годах русскими эмигрантами Николаем Трубецким, Петром Савицким, Георгием Вернадским, Петром Сувчинским, Дмитрием Мирским и многими другими интеллектуалами, объединявшимися в группы, чтобы переосмыслить новые условия и перспективы развития России. По мнению Марка Бассина и Гонзало Позо, за свою долгую историю евразийские тropy и идеи формировались под влиянием разнообразных факторов и конкретных проблем, принимая множество различных обликов и модуляций до такой степени, что сегодня точнее говорить о *множественных евразийствах*, а не ссылаться на единый сплоченный евразийский канон. В этом смысле «евразийство - от классических формулировок до высказываний современных идеологов, таких как Александр Дугин - может просто использоваться для описания не более чем широкой интеллектуальной повестки дня, слабо связанного набора общих проблем, относящихся к уникальному статусу евразийского пространства, которое мыслится как этнически и национально множественное и отличное от Запада»².

В семантическом плане термин «евразийство» относится к Евразии, которая сама по себе является глубоко амбивалентным географическим термином. С одной стороны, он вызывает в воображении сложную амальгаму Европы, России и Азии, но одновременно воссоздает отличительные черты промежуточного пространства или моста, который соединяет Европу и Азию, но на самом деле не является частью ни того, ни другого. Концептуальная нестабильность евразийства оказывается более сложной, учитывая тот факт, что оно действует в нескольких масштабах одновременно: его идеи могут быть использованы при анализе местных (и безгосударственных) этнических и национальных идентичностей (например, в Татарстане), в качестве платформ государственно-национальных идеологий (как в Казахстане) или в качестве полезных кодификаций для региональной интеграции (ЕврАзЭС и др.)³. Констатируя «эkleктичную и многогранную природу» евразийства, П. Пиццоло вполне справедливо отмечает, что оно плохо вписывается в представление о полноценной политической теории и, скорее, может рассматриваться как совокупность теоретических конструкций, основанных на традиционализме, консерватизме и геополитике. «С методологической точки зрения евразийство можно анализировать через призму идеологической веры с ее внутренним нормативным повествованием и ее догматической жесткостью. Как и все идеологии, евразийство не является допустимой структурой для объяснения мира с эмпирической и научной точки

¹ См., например: Slobodchikoff M. O. Foreword: Geopolitics and Eurasianism // Pizzolo P. Eurasianism: An Ideology for the Multipolar World. Lanham; Boulder; New York; London: Lexington Books, 2020. P. VII-VIII.

² Bassin M., Pozo G. Introduction // The Politics of Eurasianism: Identity, Popular Culture and Russia's Foreign Policy. Ed by. Mark Bassin, Gonzalo Pozo. London; New York: Rowman & Littlefield International, 2017. P. 1.

³ Bassin M., Pozo G. Introduction // The Politics of Eurasianism: Identity, Popular Culture and Russia's Foreign Policy. Ed by. Mark Bassin, Gonzalo Pozo. London; New York: Rowman & Littlefield International, 2017. P. 1-2.

зрения, но оно считается допустимым герменевтическим и эпистемологическим инструментом для тех, кто твердо верит в набор его доктрин»¹.

Хорошим примером в этом плане может считаться «неоевразийство» как идеологическое направление, сформировавшееся в российском политическом дискурсе в конце 1980 - начале 1990 годов и по многим параметрам отличавшееся от более ранних евразийских доктрин. Если исходить из выводов П. Пиццоло, современные версии евразийства имеют двойное предназначение: помимо их сугубо «внутренних глубинных характеристик», связанных с самоидентификацией стран Евразии, их можно также рассматривать и как своего рода «контр-идеологию», направленную против складывавшихся на протяжении нескольких столетий экспансионистских программ ведущих западных держав².

При всем различии многообразных неоевразийских версий, трудно отрицать сам факт существования объединяющего начала в виде некоего постсоветского евразийского «минимума». Он включает в себя, «с одной стороны, изначальную веру в органическое единство евразийского пространства как единого политического образования, а с другой - видение евразийской цивилизации как многонациональной и полиэтнической мозаики народов, связанных между собой глубокими культурными и историческими узами»³.

Современные дискуссии вокруг определения понятия «геополитика» и его интерпретаций в различных исторических и политических контекстах, на наш взгляд, ничуть не уступают в плане интенсивности и разносторонности спорам вокруг содержания понятия «евразийство». Еще на рубеже XX-XXI веков Ив Лакост в фундаментальной статье с «Соперничество за территорию» сформулировал комплекс идей, которые во многом способствуют пониманию особенностей современных дискуссий, связанных с проблемой взаимодействия геополитики и евразийства: «После исчезновения железного занавеса в 1989 году в Европе появилось около десятка новых государств с территориальными претензиями, и более половины из них, особенно в Союзной Республике Югославии, фактически находятся в состоянии войны. Однако причины этих конфликтов лишь косвенно связаны с экономикой: противники воюют друг с другом не за обладание ценными ресурсами, а прежде всего по национальным причинам, причем каждый из них тем более стремится освободить свою “историческую территорию”, поскольку часть их соотечественников проживает на землях, аннексированных странами-соперниками. Данная констатация не отрицает важность экономических проблем и не утверждает, что геополитика, этот новый способ видения мира, отвечает на все вопросы. Вопрос состоит в том, чтобы изложить проблемы другим и дополнительным способом. Но мы еще не привыкли к сложности и многообразию геополитических проблем... Для того чтобы понять геополитическую проблему, даже в общих чертах, уже недостаточно ссылаться на общие причины, такие как конфликт “Восток-Запад”, как это было в прошлом; требуется относительно точная и объективная информация... Во многих

¹ Pizzolo P. Eurasianism: An Ideology for the Multipolar World. Lanham; Boulder; New York; London: Lexington Books, 2020. P. 19.

² См., например: Escobar P. EURASIA v. NATOstan. Ann Arbor: Nimble Books, 2024. passim.

³ Bassin M., Pozo G. Introduction // The Politics of Eurasianism: Identity, Popular Culture and Russia's Foreign Policy. Ed by. Mark Bassin, Gonzalo Pozo. London; New York: Rowman & Littlefield International, 2017. P. 7; см. также: Bassin M., Glebov S., Laruelle M. What Was Eurasianism and Who Made It? // Between Europe and Asia: The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism. Ed. by Mark Bassin, Sergey Glebov, Marlene Laruelle. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. P. 1-12.

случаях, когда сегодня говорят о геополитике, это на самом деле вопрос соперничества между державами за землю и за тех, кто там живет. В этих политических конфронтациях власти каждая держава использует разные средства, в частности аргументы, чтобы доказать, что она вправе желать удерживать или завоевывать данную территорию и что, напротив, претензии ее соперника незаконны... Чтобы понять геополитический конфликт или соперничество, недостаточно определить и описать, что поставлено на карту; необходимо также попытаться..., особенно когда причины сложны, понять мотивы и идеи его основных действующих лиц – глав государств, лидеров движений за региональную автономию и независимую деятельность и т. д. Каждый из них одновременно отражает и влияет на умонастроение той части общественного мнения, которую он представляет. Роль идей, даже ошибочных, имеет решающее значение в геополитике, поскольку именно они объясняют планы и, наряду с материальными данными, определяют выбор стратегий... То, что было только что сказано, уже сильно отличается от различных неполных и довольно предвзятых способов, которыми геополитика обычно имеет дело. Но важно пойти дальше и изложить основы для новой глобальной концепции геополитики»¹.

В настоящее время можно вполне аргументированно утверждать, что обозначенная И. Лакостом акцентировка на роли идей получила широкое распространение и развивается в самых различных направлениях. Об этом свидетельствует, например, оригинальная трактовка М. Суловым концепта воображения в современных геополитических дискурсах. Геополитическое воображение рассматривается как «широкое явление», объединяющее «“формальную геополитику” (т. е. экспертные теории и идеологии), “практическую геополитику” (дискурсы политического руководства) и “популярную геополитику” (идеи, мнения и эмоции низовых слоев населения). В этом смысле геополитическое воображение важно в трех отношениях: как язык политических дебатов, как канал доступа к пониманию стиля мышления политической элиты и как кристаллизация видения низовых слоев населения»².

Идеи могут трансформироваться в конструктивные стратегии, восходящие к отечественным традициям геополитической мысли начала XX века. Хотя в западных работах постоянно встречаются клишированные фразы от том, что «русская геополитическая школа мысли возникла гораздо позже, чем аналогичные теории на Западе»³, проведенные сравнительно недавно исследования свидетельствуют об обратном. Например, одним из незаслуженно забытых основателей русской школы геополитики называют Алексея Вандама. За этим псевдонимом скрывался генерал, разведчик, герой англо-бурской войны, путешественник и исследователь Алексей Ефимович Едрикин, служивший в Генеральном штабе русской армии. В 1912 году в петербургском издательстве Суворина вышла его первая книга «Наше положение», а годом позже еще одна – «Высшая форма искусства. Обзор современного международного положения в свете большой стратегии». В обеих работах «автор раскрывает логику и системность действий государств на международной арене, диктуемые их основными и постоянными национальными интересами. Опираясь, прежде всего, на метод международного обзора, Едрикин стремится определить основные цели и задачи Российского государства, а также выявить силы, которые пытаются

¹ Lacoste Y. Rivalries for Territory // Geopolitics. 2000. Vol. 5. Issue 2. P. 121-123.

² Suslov M. Geopolitical Imagination: Ideology and Utopia in Post-Soviet Russia. Stuttgart: Ibidem, 2020. P. 19.

³ Isakova I. Russian Governance in the Twenty-First Century: Geo-Strategy, Geopolitics and New Governance. London; New York: Frank Cass, 2006. P.10.

помешать нам реализовать наши национальные интересы. Особую значимость и основательность его работам придает стремление автора выявить высшие геополитические законы, управляющие международными отношениями»¹.

К началу XXI в. российском политическом дискурсе сформировались несколько направлений – *вестернизм*, *евразийство*, *неоевразийская модель* и так называемая *прагматическая геополитическая модель*. Евразийство оценивается многими отечественными и западными специалистами как одна наиболее перспективных и стабильных концепций, стимулирующих процессы экономической и политической интеграции. Новые перспективы интеграционных процессов на евразийском пространстве отчетливо свидетельствуют о том, что обозначенные выше тенденции к интенсификации теоретических дискуссий вокруг сложных проблем взаимовлияния евразийских и геополитических стратегий, не являются случайными. Постоянно возникает ощущение, что и ученые, и политики находятся в самом начале пути.

Библиография

1. Bassin M., Glebov S., Laruelle M. What Was Eurasianism and Who Made It? // Between Europe and Asia: The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism. Ed. by Mark Bassin, Sergey Glebov, Marlene Laruelle. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. P. 1-12.
2. Bassin M., Pozo G. Introduction // The Politics of Eurasianism: Identity, Popular Culture and Russia's Foreign Policy. Ed by. Mark Bassin, Gonzalo Pozo. London; New York: Rowman & Littlefield International, 2017. P. 1-16.
3. Bassin M. "Classical" Eurasianism and the Geopolitics of Russian Identity // Ab Imperio. 2003. No 2. P. 257-266.
4. Escobar P. EURASIA v. NATOstan. Ann Arbor: Nimble Books, 2024. 256 p.
5. Gill G. Russian State-building and the Problems of Geopolitics // European Journal of Sociology. 1996. Vol. 37. Issue 1. P. 77-103.
6. Lacoste Y. Rivalries for Territory // Geopolitics. 2000. Vol. 5. Issue 2. P. 120-158.
7. Isakova I. Russian Governance in the Twenty-First Century: Geo-Strategy, Geopolitics and New Governance. London; New York: Frank Cass, 2006. 316 p.
8. Pizzolo P. Eurasianism: An Ideology for the Multipolar World. Lanham; Boulder; New York; London: Lexington Books, 2020. 289 p.
9. Ponamarev S. General Vandam, the Forgotten Founder of Russian Geopolitics // A Russian Journal on International Security. Vol. 13: Issue 1. P. 147-150.
10. Slobodchikoff M. O. Foreword: Geopolitics and Eurasianism // Pizzolo P. Eurasianism: An Ideology for the Multipolar World. Lanham; Boulder; New York; London: Lexington Books, 2020. P. VII-VIII.
11. Suslov M. Geopolitical Imagination: Ideology and Utopia in Post-Soviet Russia. Stuttgart: Ibidem, 2020. 289 p.

¹ Ponamarev S. General Vandam, the Forgotten Founder of Russian Geopolitics // A Russian Journal on International Security. Vol. 13: Issue 1. P. 148; cp.: Gill G. Russian State-building and the Problems of Geopolitics // European Journal of Sociology. 1996. Vol. 37. Issue 1. P. 93-94; см. также: Bassin M. "Classical" Eurasianism and the Geopolitics of Russian Identity // Ab Imperio. 2003. No 2. P. 257-266.